

*Ирина Алексеевна Василенко,
Лариса Григорьевна Титаренко, Малгожата Абассы*

Политические ценности демократии в России, Беларуси и Польше: сравнительный анализ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

*политическая культура, политические ценности, демократия,
сравнительный анализ, Россия, Польша, Беларусь*

В современном мире все страны Европы в той или иной мере разделяют такие базовые политические ценности демократии, как свобода, равенство, братство, социальная справедливость. В этом смысле Россия, Польша и Беларусь не исключение. Несмотря на значимые расхождения в оценках тех или иных политических событий на международной арене, даваемые на уровне государственных деятелей, а также на оценки состояния демократии в России и Беларуси, предлагаемые организацией Freedom House, народы этих стран – каждый по-своему – поддерживают демократические идеи и принципы.

И это не случайно: со времен Великой Французской революции свобода, равенство и братство были живо восприняты русской, белорусской и польской интеллигенцией и прочно вошли в политический дискурс России и Польши. Беларуси тогда не существовало на политической карте, но белорусские интеллектуалы ничем не отличались в этом смысле от польских, т.к. в течение предшествующих двухсот с лишним лет белорусские земли, вплоть до разделов Польши в конце XVIII в., входили в состав этого государства. Но если мы внимательно присмотримся к содержанию этих понятий в политических культурах указанных стран и в прошлом, и в настоящем, то увидим различия в их интерпретации.

Не будем забывать, что демократия возникла в каждой стране на почве менталитета и духовных ценностей населяющих ее народов, в данном слу-

чае – представляющих центральную и восточную части славянских земель. Именно поэтому надо рассматривать демократию и другие политические ценности народа, учитывая не только исторические и политические факторы развития страны, но также и ее культуру. Демократия – это феномен, который в равной степени совмещает культуру и политику.

Остановимся сначала на России и Польше. С 1054 г. (раскол христианства) Польша и Россия пошли разными путями исторического и культурного развития: Польша находилась под влиянием Рима и являлась частью так называемой *Pax Latina*, а русские княжества, приняв крещение из Византии, определили себе как принадлежащие к *Pax Orthodoxa*. С того времени, вплоть до Средних веков, история двух стран в культурном отношении формировалась как история институтов Костела и Церкви. Христианский фактор обусловил культурное единство России и Западной Европы по отношению к другим религиям, в том числе исламу. Ведь центральная фигура Католичества и Православия – это Христос, который первым выдвинул основной для демократии принцип равенства всех людей, вне зависимости от пола, национальности, вероисповедания. Этот фактор нельзя недооценивать, потому что ни ислам, ни такие религиозно-философские системы как, например, буддизм, не признают абсолютного равенства всех. Идея Христа-человека создала основу для уважения к личности понимаемой как отражение божественности. [Vardy 2012: 19–20]. Поэтому и сегодня многие социальные философы, социологи, антропологи поддерживают идею христианского происхождения прав человека [Йоас 2011: 44–48]. Что касается белорусов, начиная с XIV века их княжества были частью Великого Княжества Литовского, в котором не существовало доминирующей религии, поэтому в нем мирно жили и православные и католики и представители других религий. Только в XVI веке, когда это княжество подписало унию (договор) и вошло в конфедерацию с Польшей, католичество стало доминировать, а православие притесняться и вытесняться из культуры белорусов. Была создана особая Униатская церковь, сохранившая православные обряды, но подчиненная Риму, и большинство белорусов стали униатами. Поэтому религиозный плюрализм и толерантность стал отличительной чертой белорусов, начиная с этих исторических времен, что не могло не отразиться на их менталитете¹.

В эпоху Просвещения сакральный фактор в восприятии личности отошел на задний план, но он остался по-прежнему силен как неотъемлемая часть национального российского и польского менталитета. Его скрытый

---

¹ По данным социологического мониторинга в 2013г., более 95% опрошенных белорусов назвали религиозную ситуацию в стране спокойной, и 97% сказали, что права верующих никто не нарушает (Республика Беларусь, с. 87).

смысл отражен в семантике русского слова *лик*² и польского – *oblicze* [Bartnik 2008: 156]. В белорусском языке есть слово «твар», однако т.к. на территории Речи Посполитой доминировал польский язык, белорусы были вынуждены пользоваться именно им. Таким образом, главная, хотя спрятанная очень глубоко, идея демократии, восходит корнями к раннему христианству. Она объединяет верующих поляков, белорусов и россиян на уровне менталитета. Это первый, очень важный, уровень демократии: понимание кто такой человек и восприятие им другого человека как свободного и бесценного существа. Идея ближнего и заповедь Христа: «Возлюби ближнего своего как себя самого», - вмещает общность судьбы всех людей.

В то же время Православие и Католичество заложили основы существенных культурных различий в понимании многих ценностей, которые являются базовыми для формирования демократических идеалов. И это вполне предсказуемо и типично для многих других культурных регионов: так, исследования в рамках *Арабского барометра* показали, что менее 20% населения арабских стран понимают демократию в том же духе, что и на Западе, для остальных демократия просто означает «доброе», «хорошее».

Истоки различий в трактовке ценностей в нашем исследовании уходят своими корнями в своеобразие интерпретации проблемы добра и зла в православной и католической культурах. С.Аверинцев в известной статье “Византия и Русь: два типа духовности”, попытался провести параллели между истолкованием добра и зла в российской и европейской культурах. Он обратил внимание на то, что на Западе между Добром и Злом, между светом и тьмою, живет по своим законам естественный мир, область государства и права, в которой действуют нормы учтивости и контракта. Сама идея “общественного договора” как источника земной власти восходит к трактатам отцов-иезуитов. Если все люди – грешники (пребывают “во зле”), то их надо защитить друг от друга нормами государственного общежития. В русской культуре между Добром и Злом такой “промежуточной” области нет, считает Аверинцев: “Русская духовность делит мир не на три, а на два – удел света и удел мрака...” [Аверинцев 1988: 234–235]. На территории Северо-Западного края Российской империи (так назывались белорусские земли, вошедшие в состав России после третьего раздела Польши в 1795 г.)

² Лик – «лицо; изображение лица (на иконе)», облик, прилик м., прилика ж. «приличие, манеры», слик «сравнение», (сюда же лицó), укр. Лик «изображение, икона», русск.-цслав. Ликъ, ст.-слав. лице прѣсѣлов, болг. Лик ликъ, ст.-слав. лице прѣсѣлов, болг. Лик „картина; цвет лица”, сербохорв. ликъ, род. п. лика „лицо, форма, образ”, словен. lik „фигура, образ, изображение”, чеш. líce „щека, лицо”, польск. lice „щека, лицо”, в.-луж., н.-луж. lico „щека”. М. Фасмер, <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-6895.htm> (09.01.2015).

доминирование католицизма было насильственно искоренено в первой половине XIX в., а иезуиты запрещены указом царя Николая I. Белорусское население было постепенно возвращено в Православие, за исключением западных регионов, где католицизм сохранил свои позиции и сильное влияние на менталитет жителей вплоть до наших дней. Подавление восстания Калиновского в 1863-4 гг. практически завершило этот религиозный процесс, однако религиозная двойственность культуры и менталитета белорусов сохранились.

Таким образом, сначала католичество, а затем секуляризация культуры Запада создала условия для преобладания нейтральной сферы в восприятии мира. Загробный мир католического западного христианства разделен на три пространства: рай, чистилище, ад. Соответственно, земная жизнь мыслится как допускающая три типа поведения: безусловно грешное, безусловно святое, и нейтральное, допускающее загробное спасение после некоторого очистительного испытания. Тем самым в реальной жизни западного Средневековья оказывается возможной широкая полоса нейтрального поведения, нейтральных общественных институтов, которые не являются ни «святыми», ни «грешными», ни «государственными», ни «антигосударственными», ни хорошими, ни плохими [Лотман, Успенский 1977: 4].

В русском культурном сознании преобладала дуальность, которая отразилась в российской политической культуре: «Система русского средневековья строилась на подчеркнутой дуальности. Если продолжить наш пример, то ей было свойственно членение загробного мира на рай и ад. Промежуточных нейтральных сфер не предусматривалось. Соответственно и в земной жизни поведение могло быть или грешным, или святым. Это распространялось и на внецерковные понятия: так, светская власть могла трактоваться как божественная или дьявольская, но никогда как нейтральная по отношению к этим понятиям» [Лотман, Успенский 1977: 4].

Однако эта интерпретация дуальности в русской культуре представляется нам не совсем точной. На самом деле между уделом света и уделом мрака, на границе обоих царств, стоит русский человек, и сражения между добром и злом происходят в его душе. Если на Западе для контрактных отношений открыта область естественного, область государства, то в русской культуре – область духовная, сама человеческая душа: ”Живая душа русского народа, создавшего Россию не только как государство, но и как нацию и культуру, как цельный духовный организм, для нас есть непосредственно данный, опытно сопереживаемый факт” [Карташев 1996: 135].

Федор Достоевский, которому было дано заглянуть в тайны русской души, воскликнул: ”Широк русский человек, я бы его сузил!”. Как художник Ф. Достоевский образно почувствовал главную проблему – сакральный

выбор между Добром и Злом решается в России в глубинах человеческой души. Политическая борьба была и остается здесь борьбой за идеи и идеалы – “сузить” эту борьбу невозможно. Именно поэтому для российской политики особое значение имеет вопрос о ценностях, которые движут людьми и определяют их политический выбор.

И здесь возникает вопрос, очень важный для понимания сущности демократия и способов претворения в жизнь ее основных принципов: каково содержание базовых понятий свободы, социального равенства и социальной справедливости в политической культуре каждого народа?

С эпохи Возрождения Западная Европа вступила на путь быстрой индустриализации и укрепления частной собственности. Положение человека в обществе определялось его материальным статусом, который, в некоторой степени, отождествлялся с умением влиять на окружающую среду. Группа мыслителей попыталась определить значение слова прогресс, но уже у самого начала этих попыток проявился двойственный характер прогресса: как совершенствование личности и как материальное благополучие. Вскоре оказалось, что всеобщее равенство и свобода – это лишь возвышенные идеи, едва ли осуществимые на практике.

В XIX веке Александр Герцен и Федор Достоевский с болезненной остротой постигли несовместимость идеалов возвышения личности и материального благополучия для всех. Символом Западной Европы в их глазах стали деньги – *«миллион»*. В письмах *«С того берега»* Герцен писал: «Этот «несчастный, обделенный брат», о котором столько говорили, которого так жалели, спросил, наконец, где же его доля во всех благах, в чем его свобода, его равенство, его братство. Либералы удивились дерзости и неблагодарности работника, взяли приступом улицы Парижа, покрыли их трупами и спрятались от брата за штыками осадного положения, спасая цивилизацию и порядок!»³. Вторил ему и Достоевский в *«Зимних записках о летних впечатлениях»*: «В самом деле: провозгласили вскоре после него: *Liberte, egalite, fraternite*. Очень хорошо-с. Что такое *liberte*? Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать все что угодно в пределах закона. Когда можно делать все что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно»⁴.

³ А.И. Герцен, *С того берега. Статьи. Долг прежде всего*, http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0430.shtml (08.01.2015).

⁴ Ф.М. Достоевский, *Зимние заметки о летних впечатлениях*, http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0040.shtml (08.01.2015).

Действительно ли свобода и социальная справедливость несовместимы? Исак Берлин заметил: „Свободу человека или группы выбирать образ жизни необходимо дополнить другими ценностями, как равенство, справедливость, счастье, безопасность, общественный порядок.” [Berlin 1969: 30]. Таким образом, все эти понятия тесно связаны между собой. При этом свобода в русском ее понимании – это не столько свобода политического выбора, свобода реализации определенных прав (что первостепенно для поляков и европейцев в целом), сколько возможность «быть самому себе хозяином», это русская «воля». Об этом хорошо сказал Н. А. Бердяев: “Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей” [Бердяев 1990: 14]. И сегодня две трети россиян считают, что свобода – это то, без чего жизнь теряет свой смысл. Только треть соглашались с тем, что свобода второстепенна и ставят выше нее материальное благополучие. Причем данный результат повторяется от исследования к исследованию на протяжении всех 25 лет реформ, о чем свидетельствуют данные Института социологии РАН [Горшков 2013: 12].

Среди особых российских политических ценностей, которые не актуализированы в европейском массовом политическом сознании, следует назвать феномен «правдоискательства». Русское слово “правда” трудно переводится на иностранные языки. Как отмечает С. Франк, оно одновременно означает и “истину”, и “справедливость”, и “моральное и естественное право” [Франк 1992: 490]. Русский народ всегда искал ту правду, которая “объяснит и осветит жизнь”, правду как “свет... который просвещает каждого человека, приходящего в мир” (Иоанн, I, 9), благодаря чему жизнь может стать подлинной, то есть справедливой. Поэтому и проблему равенства россияне склонны трактовать не столько в пользу равенства всех перед законом, сколько в пользу социальной справедливости. Так, согласно опросам ВЦИОМ за 2012 г., две трети опрошенных (68%) симпатизируют «левым» партиям, ориентированным на социальную справедливость, и столько же – демократическим партиям, защищающим ценности политической свободы и прав граждан. При этом 62% опрошенных выступают за укрепление роли государства во всех сферах жизни⁵. Другим словами, россияне надеются именно на государство в обеспечении политических прав и свобод.

Несколько по-другому понимают эти проблемы поляки и белорусы. Для современных белорусов, живущих в социально ориентированном государстве, именно этот институт оказывается самым важным в обеспечении всех прав и свобод и гарантии социальной защиты. Так, по данным мониторинга

---

⁵ ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112352> (дата обращения: 26.03.2013).

2013 г., на вопрос, кто может выступать в роли представителя прав и интересов населения, первое место (48%) с большим отрывом от остальных получило государство, второе (29%) – само население [Республика Беларусь, 2014: 16]. В этом смысле белорусы ближе к россиянам, чем к полякам. Однако правдоискательство чуждо белорусам: вместо правды белорусы ищут социальную справедливость, которую – как и россияне – оценивают зачастую выше, чем другие ценности и даже выше, чем закон.

Проблема свободы и социального равенства занимает важное место в польском восприятии мира. Начало формирования шляхетской демократии в XVI веке привело в XIX столетии к созданию гражданского общества, основанного на огромном уважении к индивидуальным стремлениям личности. Из-за политической обстановки в 19 веке проблема свободы рассматривалась как необходимость вернуть Польшу на карту Европы, объединив ее земли. Вследствие такого подхода, свобода, как ценность в личном плане, сильно ассоциировалась со свободой в плане политическом – с польским патриотизмом.

Проблема свободы как политической ценности, составной части демократии и фактора экономических перемен возникла заново в девяностые годы минувшего столетия. В 1999 году польский Центр исследований общественного мнения (CBOS) провел опрос „Свобода и равенство в общественной жизни”. Из результатов опроса следует, что большинство поляков (57%) считает свободу важнее социальной справедливости (35%)⁶. Однако, в прямом отношении к реальной жизни те же люди говорят, что свобода важна как принцип, но в общественной жизни явно не хватает равенства. По результатам опроса равенство – это одинаковые права для всех (92%), возможность получить хорошее образование и профессию (88%); общий для всех материальный уровень жизни (56%)⁷. С другой стороны, поляки критически отнеслись к воплощению в жизнь принципа равенства. Некоторые считают его противоположным принципу свободы, который, в свою очередь, определялся как свобода мнений, действий, образа жизни, возможности полностью воплотить в жизнь потенциал человека как индивидуума.

Свободу важнее равенства оценивают в Польше люди хорошо обеспеченные, с высшим образованием (80%), жители больших городов 74%)⁸. Взаимосвязь ценностей свободы и равенства/социальной справедливости влияет на понимание демократии и осуществление ее принципов на прак-

⁶ Centrum Badania Opinii Społecznej (CBOS). http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2000/K_026_00.PDF (08.01.2015).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

тике. В опросе „Общественное понимание демократического строя”⁹ поляки называли четыре ценности: свободу, социальную справедливость, материальное благополучие, равенство перед лицом права. Свобода является важнее всех остальных ценностей для той части польского общества, представители которой ценят политическую независимость, отсутствие цензуры, возможность повлиять на окружающую среду. Это тоже часть польских правых сил. Интересно, что свободу как главную ценность выбирают чаще мужчины, чем женщины. Социальная справедливость, в свою очередь, ценится среди работников, безработных, работающих в государственных учреждениях и сторонников политических партий левого толка.

Таким образом, за различиями в оценках и интерпретациях ценностей свободы, равенства, справедливости стоит не только национальная культура, но и политические ориентации населения. Правые силы играют в Польше более значительную роль, чем в России, не говоря уже о Беларуси, где к политической оппозиции отрицательно относится 70% населения [Республика Беларусь 2014: 15], а политические партии в целом не играют особой роли в поле политики. В то же время в Беларуси утвердился подход, согласно которому переход к «суверенной демократии» (в белорусском ее варианте) уже завершен [Черняк 2007].

Сложным является отношение россиян, белорусов и поляков к идее демократии как общественного устройства. Не секрет, что в постсоветский период для многих российских и белорусских граждан с демократией был связан ряд негативных коннотаций: она ассоциировалась с развалом советской государственности, экономики, с обострением межнациональных конфликтов, с падением уровня жизни большинства населения. Но сегодня с восстановлением экономики и международного статуса страны, отношение к демократии у россиян несколько сблизились с европейским пониманием. В России сегодня демократию связывают со свободой слова, печати, вероисповедания 44% граждан, но с экономическим процветанием страны – только 28%.

В то же время, россияне стали более позитивно, чем в предыдущие годы, воспринимать ценности национальной самобытности (рост с 9 до 12%) и, особенно, державности (с 9 до 14%). Многие политологи интерпретируют это в контексте потребности восстановления статуса России как мировой державы на мировой арене. Заметим также, что в российском общественном сознании, в отличие от польского, ценности державности и национальной самобытности вполне органично связаны с демократией. При этом современные исследования

---

⁹ Centrum Badań Opinii Społecznej (CBOS) http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/1995/K_099_95.PDF.

говорят также о том, что свыше половины граждан России убеждены: индивидуализм и либерализм западного типа в стране не подходят, для нее гораздо важнее чувство общности и государственный патернализм.

Отношение белорусов к государственности и демократии сходно с российским. Во-первых, постепенно, с середины 1990 г. и особенно в XXI веке, государственная независимость получала все более высокие оценки, а значит и ценилась выше в общественном мнении белорусов. Во-вторых, государственное устройство республики в общественном мнении ее граждан оценивалось как демократическое, несмотря на острые дебаты по поводу политического режима Беларуси в международных политических источниках. Сегодня, когда Беларусь и Россия входят в два общих надгосударственных объединения – Союз Беларуси и России и Евразийское экономическое пространство – ценность белорусской государственности (а вместе с ним государства и белорусского патриотизма) возрастает. Патриотизм в Беларуси стал такой же важной ценностью, как в России, и связан он с защитой своего суверенного государства.

Таким образом, важно отметить, что специфика трактовки демократии как общественного строя в России и Беларуси не совпадает с пониманием либеральной демократии на Западе, а сама интерпретация модели западной демократии в этих странах скорее негативна, чем позитивна. Например, согласно данным опроса, проведенного в 2006 г. социологами Левада-Центра, 30% россиян считали, что западная демократия стране «не подходит», а 12% – что она «разрушительна, губительна» для России. В опросе 2007 года 48% высказали мнение, что США опасны другим странам, включая Россию, «стремлением внедрять свой образ жизни и демократию по-американски» [Орджоникидзе 2007: 36–37]. Схожие данные были получены белорусскими социологами: они зафиксировали низкий уровень либеральных ценностей при приоритете ценностей выживания [Минчане 2006: 19]. Приведенные результаты опросов свидетельствуют, что народы постсоветских стран ищут свои формы политического развития и не хотят слепо копировать чужие модели. Впрочем, в этом нет ничего оригинального или неожиданного. Сложные и противоречивые процессы демократического развития характерны не только для постсоветских стран. Разочарование в западной либеральной форме демократии – это глобальная тенденция. Так, состоявшийся в 2012 г. в Бразилии форум Международной социологической ассоциации наглядно продемонстрировал, что понимание демократии и социальной справедливости в странах «золотого миллиарда» существенно отличается от самобытного («акборигенного») понимания этих политических ценностей в других странах мира, включая Латинскую Америку, Азию, Восточную Европу, Австралию [Вдовиченко 2013: 142].

Если рассматривать демократию как ценность, исследования показывают, что поляки, в принципе, относятся к ней положительно, считая основанное на ней государственное устройство за лучшее из возможных. Такое мнение высказывает сегодня 71% опрошенных¹⁰. Хотя в каждой мировоззренческой и возрастной группе преобладает положительная оценка, однако, сторонников демократического строя значительно больше среди очень молодых людей (18-24 лет), с высшим образованием, стабильной материальной ситуацией, слабо религиозных¹¹. Соответственно, меньше их среди электората ПиС (Право и Справедливость), для которого демократия ассоциируется с такими нежелательными явлениями, как крайний индивидуализм и широкая свобода нравов, но и среди них большинство относится к демократии положительно. Только каждый третий поляк безразличен к форме правления, а возраст респондентов из этой группы указывает на принадлежность к поколению «отцов», то есть людей, взгляды которых складывались в конце восьмидесятых годов прошлого столетия; в основном, это жители маленьких городков и деревень, плохо образованные и с низким материальным статусом. Более половины поляков утверждает, что форма правления имеет для них значение, но среди опрошенных данной группы нет единства в отношении того, какой строй лучше: демократический или недемократический. 21% допускает замену демократии иной структурой правления в чрезвычайной ситуации. Можно предположить, что здесь большое значение имеет чувство безопасности в ситуации, когда демократия ассоциируется со свободой выбора, неконтролируемым экономическим развитием и конкурентноспособностью, а также с отсутствием поддержки со стороны государства. В кризисной ситуации демократия и безопасность, как ценности, противопоставлены друг другу. Идентификация с демократией как ценностью и поддержка для государственной структуры, опирающейся на демократические принципы, коррелирует с высоким уровнем образованности респондентов, их материальным благосостоянием, отказом от религиозных практик, а также с проживанием в больших городах.

Можно сослаться и на другие примеры в мире, когда безопасность и стабильность ставятся на первое место. Даже в США, позиционирующих себя оплотом западной демократии, после роста угроз терроризма, многие граждане стали допускать ущемление их прав в пользу безопасности страны. Вообще, как пишет известный журналист Кристиан Кэрел в статье в журнале «Экономист», для большинства населения демократия – не самоцель, а средство достижения экономического благополучия [цит. по: Снеговая

---

¹⁰ Centrum Badania Opinii Społecznej (CBOS) http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2014/K_042_14.PDF (08.01.2015).

¹¹ Там же.

2015]. Поэтому нет ничего странного в том, что в России и Беларуси часть населения (хотя далеко не все) допускают то же самое, а некоторые социальные группы (особенно социально незащищенные) вообще отдают приоритет сильному политическому режиму, а не демократии.

Тем не менее, нам представляется, что не стоит искать в этих различиях выбранных нами стран «рокового изъяна»: и российский и польский и белорусский пути к демократии – сколь бы они ни различались – одинаково интересны в плане развития национальных моделей демократии. Политологам пора научиться ценить проявления национальной самобытности именно как творческое начало, способное стать движущей силой политического развития общества. С позиций антропологии, человек свободен только тогда, когда может жить в соответствии с тем пониманием свободы, которое сложилось в его родной культуре. Еще более полувека назад, в период образования Организации Объединенных Наций, известный антрополог М. Гершковец и группа членов Американской антропологической ассоциации выступили с меморандумом против принятия Декларации прав человека в качестве основополагающего документа этой международной организации. Они заявили, что стандарты и ценности имеют специфический характер в разных культурах и поэтому всякие попытки навязывать универсальные подходы и формулировки в этой области недопустимы: “... человек свободен только в том случае, если он может жить согласно тому пониманию свободы, которое принято в его обществе” [Statement in human rights... 1946: 541].

Значение сравнительного анализа в мире ценностей и смыслов состоит в том, чтобы выявить и объяснить различия в понимании политических ценностей для представителей разных культур. Только этот путь поможет им вести продуктивный диалог. Не случайно сегодня универсалистские политические концепции характеризуются как “культурный империализм”. Современная политическая наука должна уйти, наконец, от жестких технологий навязывания единых универсальных норм и правил политической игры и освоить новые – “мягкие” технологии понимания и интерпретации ценностей разных политических культур.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена проблеме выявления общего и особенного в системе политических ценностей в разных политических культурах. Авторы на примере трех стран-соседей показывают, что хотя ценности свободы, равенства, социальной справедливости, демократии являются общими для населения России, Беларуси, Польши, имеются

значимые различия в интерпретации их содержания в контексте национальной культуры. Например, свобода для россиян – это не столько свобода политического выбора (как для европейцев), сколько возможность «быть самому себе хозяином». Демократия в российском общественном сознании, в отличие от западного, органично связана с ценностями державности и национальной самобытности, а в белорусском – с социальной справедливостью.

Значение сравнительного анализа состоит в том, чтобы выявить и объяснить различия в понимании политических ценностей у представителей разных культур, что поможет им вести продуктивный диалог.

Irina Alekseevna Vasilenko, Larisa Grigorevna Titarenko, Malgorzata Abassy

THE POLITICAL VALUES OF DEMOCRACY IN RUSSIA, BELARUS AND POLAND: A COMPARATIVE ANALYSIS

The article demonstrates the general and special aspects of system of political values in different political cultures. The authors of three of the neighboring countries show that although the values of freedom, equality, social justice and democracy are shared by the population of Russia, Belarus, Poland, there are significant differences in the interpretation of their context in the national culture.

KEY WORDS: *political culture, political values, democracy, comparative analysis, Russia, Poland, Belarus*

Библиография

- С.С. Аверинцев, *Византия и Русь: два типа духовности. Статья вторая: Закон и милость*, „Новый мир” 1988, № 9.
- Н.А. Бердяев, *Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности*, Москва 1990.
- Л.Н. Вдовиченко, *Социальная справедливость и демократизация*, „Социологические исследования” 2013, № 2.
- М.К. Горшков, *Российская идентичность в контексте западно-европейской культуры*, „Власть” 2013, № 1.
- Х. Йоас, *Макс Вебер и происхождение прав человека*, „Журнал социологии и социальной антропологии” 2011, № 1.
- А.В. Карташев, *Судьбы “Святой Руси”:* Церковь. История. Россия, Москва 1996.

Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, *Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века), Труды по русской и славянской филологии. XXVIII: Литературоведение. К 50-летию профессора Бориса Федоровича Егорова*, Тарту 1977.

Республика Беларусь в зеркале социологии. Сб. материалов соц. исследований за 2013 год, Минск 2014.

М. Снеговая, *Конец демократии?*, „Ведомости” 2015 17 февраля.

С. Франк, *Духовные основы общества*, Москва 1992.

G. Barty, *La conversazione al cristianesimo nei primi secoli*, Milano 2012.

Cz. Bartnik, *Personalizm*, Lublin 2008.

I. Berlin, *Four Essays on Liberty*, Oxford University Press 1969.